

ПРЕДИСЛОВИЕ

Катастрофа

На рассвете 22 июня 1941 г. войска гитлеровской Германии вторглись на территорию СССР. Три недели спустя немецкие генералы могли констатировать, что первая задача, поставленная перед ними по плану «Барбаросса» (*«Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено...»*), в основном уже выполнена.

Выдвижение «танковых клиньев» было глубоким и быстрым. Противник занял Литву, Латвию, почти всю Белоруссию, Западную Украину, форсировал Буг, Неман, Западную Двину, Березину, Горынь и Случь, вышел к Днепру. 10 июля немцы заняли Псков, 16 июля — Смоленск.

Две трети расстояния от западной границы до Ленинграда и Москвы были пройдены. Танковые дивизии вермахта преодолели по 500 и более километров советских дорог. За первые 20 дней войны немцы заняли территорию площадью порядка 450 тыс. кв. км, что примерно в 2 раза больше территории Польши, оккупированной вермахтом в сентябре 1939 г., и в 3 раза больше территории Бельгии, Голландии и северо-востока Франции, захваченных вермахтом в мае 1940 г. (см. рис.1).

Войска Прибалтийского и Западного особых военных округов (более 70 дивизий, 1 млн человек) были разгромлены, рассеяны по лесам или взяты в плен. Чуть позднее то же самое произошло с Юго-Западным и Южным фронтами. «Отступление боеспособных войск противника» было успешно

(для немцев) предотвращено — за Днепр и Западную Двину смогли отойти лишь разрозненные остатки некогда огромной армии; командиров дивизий, которые смогли вывести полторы тысячи человек с дюжиной пулеметов и парой пушек (т.е. сохранить порядка 10–15% личного состава), отмечали в приказах как особо отличившихся...

К 6–9 июля войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов потеряли 11,7 тыс. танков, 19 тыс. орудий и минометов. [1] Особенно тяжелые, практически невозможные потери понесли танковые войска — крупнейшие в мире советские танковые войска, на создание которых был потрачен многолетний труд и огромные материальные ресурсы. Уже 15 июля 1941 г. остатки мехкорпусов начали официально расформировывать. Авиационные дивизии и полки ВВС западных округов потеряли не менее 80–85% самолетов; впрочем, и оставшиеся в списках боевые машины в большинстве своем считались неисправными. В итоге к 1 августа 1941 г. советские ВВС потеряли 10 тыс. самолетов (в четыре раза больше, чем было у люфтваффе на Восточном фронте), из которых 5240 числились как «неучтенная убыль». [4]

Стремительная потеря огромных территорий с неизбежностью повлекла за собой потерю гигантских запасов военного имущества, по какой-то причине сконцентрированного у западных рубежей Советского Союза. По данным ГАУ (Главное артиллерийское управление), из 40 артиллерийских складов, расположенных до линии Ленинград, Нежин, Кременчуг, удалось эвакуировать только 11. В приграничных округах были потеряны также сотни тысяч тонн ГСМ, десятки миллионов индивидуальных перевязочных пакетов, огромное количество продовольствия, фуража, обмундирования...

Не приходится удивляться тому, что к середине июля многим немецким генералам кампания на Восточном фронте показалась уже завершённой — они представить себе не могли, что армия, понесшая такие потери, окажется способной к дальнейшему сопротивлению. Да, «битые гитлеровские генералы» в конечном счете ошиблись, и война закончилась в Берлине, но наша радость по этому поводу — со слезами на глазах. То, что было легко и быстро потеряно за 3–4 месяца лета—осени 41-го года, пришлось возвращать ценой непрерывного трехлетнего кровопролития, ценой жизни миллионов солдат на фронте, миллионов мирных жителей на оккупированных территориях. В целом на линию границы 41-го

года Красная Армия смогла вернуться лишь к июлю—августу 1944 г. Это в целом; в частности, например в Прибалтике, бои продолжались до весны 1945 года.

И все же самым невероятным во всей этой истории следует признать не высокие темпы и глубину наступления вермахта, не огромные цифры потерь Красной Армии — а удивительные (неправдоподобно малые) потери противника. Наступающий, причем чрезвычайно успешно наступающий вермахт нес потери **в десятки раз меньшие**, чем обороняющаяся Красная Армия.

Вот, например, 6-я танковая дивизия вермахта (Группа армий «Север»). Пример этот примечателен тем, что 6-я тд была вооружена хуже всех — основу ее танкового парка составляли легкие чешские танки образца 1935 г. (Pz-35(t) по немецкой системе обозначений), устаревшие технически и весьма изношенные многолетними маршами, походами и боями. 24 июня у реки Дубиса (Литва) 6-я немецкая танковая столкнулась во встречном бою со 2-й танковой дивизией Красной Армии, имевшей на вооружении, кроме всего прочего, 31 новейший тяжелый танк КВ. Для советской дивизии танковое сражение закончилось полным разгромом, потерей матчасти и гибелью командира. 6-я немецкая тд потеряла 24 июня всего 121 человека (31 убит, 18 пропали без вести, 72 ранено). [5] Менее одного процента штатной численности.

И это — самый тяжелый день и самые большие потери. 28 июня 6-я танковая дивизия форсирует полноводную Даугаву — естественный оборонительный рубеж стратегического значения. Потери: 3 убитых, 14 раненых. [6] Переправившись на северный берег, немецкая танковая дивизия устремилась к Пскову. 4—6 июля она разгромила во встречном бою части 163-й моторизованной и 3-й танковой дивизий Красной Армии, прорвала линию ДОТов Островского укрепрайона, форсировала пару мелких речушек. Потери за три дня: 28 убитых, 55 раненых. [7]

Вот еще одна немецкая дивизия, 11-я танковая. Уровень потерь личного состава — один из самых высоких среди всех танковых дивизий вермахта: к 3 июля потери дивизии составили 923 человека, в т.ч. 333 — безвозвратно. [8] Шесть процентов от штатной численности. Ценой этих шести процентов 11-я тд успела сделать следующее: непрерывно наступающая

в авангарде 1-й Танковой Группы, дивизия прошла более 200 км; вступила в бой с советскими 10-й и 43-й танковыми и 228-й стрелковой дивизиями, 109-й и 213-й моторизованными дивизиями и 114-м танковым полком 57-й танковой дивизии; бои эти закончились тем, что от упомянутых дивизий Красной Армии остались номера и, в лучшем случае, 30–40% личного состава с десятком танков, а немецкая дивизия покатила дальше на восток...

В целом вся группировка вермахта на Восточном фронте в период с 22 июня по 6 июля потеряла 64 132 человека, в том числе 19 789 — безвозвратно. Такие цифры приводит в своем знаменитом «Военном дневнике» (запись от 10 июля 1941 г.) начальник штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер.

Разумеется, 10 июля Гальдер не располагал еще всей информацией по потерям на 6 июля, поэтому указанные выше цифры (64 тыс., в том числе 20 тыс. безвозвратно) несколько занижены. По так называемым «десятидневкам» (отчетам о потерях, составляемым верховным командованием на основании донесений штабов частей и соединений за каждый десятидневный период) потери вермахта к 10 июля 1941 г. составили 77 тыс. человек, в том числе 23 тыс. безвозвратно. Численность группировки вермахта на Восточном фронте на тот момент Гальдер оценивает в 3,3 млн человек, соответственно общие потери (убитые, раненые, пропавшие без вести) составляют всего 2,3%.

Да и эти цифры можно оспорить, т.к. любые донесения, составленные в ходе боевых действий, недостаточно точны и полны. Можно и дальше заниматься уточнением статистических данных, но бесконечная эта дискуссия не должна заслонять от нас главное. А главное — это то, что за разгром Первого стратегического эшелона Красной Армии (по числу дивизий не уступавшего ни одной европейской армии, а по количеству танков и самолетов в разы превосходившего любую из них), за оккупацию огромной территории вермахт заплатил потерей 2–3% своего личного состава. Если же говорить не об общих, а только о безвозвратных (убитые и пропавшие без вести) потерях, то они оказались порядка 1%. «Отряд не заметил потерю бойца...» Даже в ходе того, что советская историография называла «триумфальный марш вермахта во Франции», безвозвратные потери немцев были вдвое больше (46 тыс. человек). [16]

Самой главной оценкой потерь вермахта может служить сравнение их с потерями противника, т.е. Красной Армии. По официальному мнению современных российских военных историков, в период с 22 июня по 6–9 июля войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов потеряли безвозвратно 589 тыс. человек, и эта цифра не включает еще потери Северного фронта (Ленинградский ВО) и Южного фронта (Одесский ВО), которые начали активные боевые действия, соответственно, 29 июня и 2 июля 1941 г. [17]

Сегодня уже не вызывает сомнений явное и значительное занижение данных о потерях, допущенное составителями сборника «Гриф секретности снят» (сборник Кривошеева). Так, в частности, общие потери Северо-Западного фронта они оценили в 88,5 тыс. человек (всего 23% от первоначальной численности). Может ли это быть правдой, если все известные документы с абсолютным единодушием свидетельствуют — фронт был разгромлен наголову, до Острова и Пскова добрались лишь разрозненные группы бойцов и командиров¹. И что примечательно, на стр. 368 все того же сборника нам сообщают, с 22 июня по 9 июля СЗФ потерял 341 тыс. единиц стрелкового оружия. Как 89 тыс. человек могли «потерять» 341 тыс. винтовок?

В нормальной воюющей армии потери личного стрелкового оружия меньше, чем потери людей — бросать винтовки не положено, у них есть номера, и за каждую винтовку кто-то расписался; винтовка весит 3–4 кг, и один здоровый мужчина без особого напряжения может вынести с поля боя 3–4 винтовки, оставшиеся от раненых и убитых товарищей. В ненормальной, панически разбегающейся армии потери личного оружия могут сравняться с потерями личного состава, но не превысить же их в 4 раза! Западный фронт, кстати, также смог (на страницах статистического сборника «смог») потерять 521 тыс. единиц стрелкового оружия при потере 418 тыс. человек. Только в случае с Юго-Западным фронтом цифры, приведенные в сборнике Кривошеева, приходят в некоторое соответствие со здравым смыслом (потеряно 242 тыс. человек и 170 тыс. единиц стрелкового оружия).

¹ По расчетам И.И. Ивлева, проделавшего гигантскую работу по изучению первичных документов о движении личного состава Северо-Западного фронта, потери фронта на 9 июля составили 260 тыс. человек, что втрое больше того, что подсчитано у Кривошеева.

В итоге мы имеем следующее: даже если принять заведомо и значительно заниженные цифры Кривошеева, то и в этом случае соотношение безвозвратных потерь личного состава в ходе т.н. «приграничного сражения» (до 6–10 июля) составит **1 к 23**. Реальная же картина безвозвратных потерь определяется, скорее всего, цифрами порядка 900–1000 тыс. с советской стороны и 25–30 тыс. с другой, что дает в итоге соотношение **1 к 35**. Несколько нарушая хронологию изложения, сразу же отмечу, что итоговое соотношение безвозвратных потерь за весь 1941 год составило порядка **1 к 28**.

Это есть «чудо», не укладывающееся ни в какие каноны военной науки. Такое соотношение потерь возможно разве что в том случае, когда белые колонизаторы, приплывшие в Африку с пушками и ружьями, наступают на аборигенов, вооруженных копьями и мотыгами. Но летом 1941 г. на западных границах СССР была совсем другая ситуация: обороняющаяся сторона в целом не уступала противнику ни в численности, ни в вооружении, количественно превосходила его в средствах нанесения мощного контрудара — танках и авиации, да еще и имела возможность построить свою оборону на системе естественных преград (полноводные реки Буг, Неман, Березина, Западная Двина, Днепр, Днестр) и долговременных оборонительных сооружений (порядка 1 тысячи железобетонных ДОТов вдоль «новой» границы и более 3 тысяч — у «старой»).

Поиск объяснений

Что это было? Что произошло с «непобедимой и легендарной» Красной Армией? Как такой жуткий разгром мог случиться с армией страны, наделенной неисчислимыми природными ресурсами, страны, которая ничем другим, кроме подготовки к будущей войне, честно говоря, и не занималась?

Правильный ответ начинается с правильного вопроса. Этот же афоризм можно, на мой взгляд, перефразировать иначе: неправильный ответ (тем паче — преднамеренная попытка ввести людей в заблуждение) начинается с нелепо сформулированного вопроса. Именно так и действовали советские историки-пропагандисты — соответствующий параграф в их книжках назывался «Причины временных неудач Красной Армии» или еще круче: «Причины проигрыша приграничного сражения».

Слова «временная неудача» — это совсем не то, что побуждает искать какую-то весомую причину. С кем не бывает временных неудач? А уж термин «приграничное сражение» — применительно к военной кампании, развернувшейся на пространствах, превышающих площадь большинства европейских стран, — и вовсе следует признать блестящей находкой партийных пропагандистов. Воображение читателя сразу же рисует картину боя взвода пограничников с навалившейся на них бандой. Остается только добавить два слова — «неожиданно и внезапно» — и причина «проигрыша приграничного сражения» станет простой и понятной...

Впрочем, тезис о «неожиданном и внезапном нападении на мирно спящую страну» даже в советские времена не претендовал на статус «первой линии обороны», а выполнял скорее роль «предполя» (этим термином в военном деле обозначают полосу территории, на которой предполагается притормозить наступление противника, задержать его выход к главной линии обороны).

Даже советские пропагандисты (слово «даже» в данном случае относится не к оценке их умственных способностей, а к оценке ситуации, в которой они работали, чувствуя за спиной надежную поддержку «органов», готовых заткнуть рот любому несогласному) понимали, что излишне акцентировать тему пресловутой «внезапности» не стоит — уж в слишком дурацком виде выставляла она родную партию, ее мудрый Центральный комитет и самого Вождя, которые не смогли разглядеть сосредоточение у границ СССР трехмиллионной вражеской армии. С первыми же лучами «гласности» цветы внезапности окончательно увяли; сегодня даже добросовестный школьник знает, что длинная череда тяжелейших поражений Красной Армии (Уманьский, Киевский, Вяземский, Брянский, Керченский, Харьковский «котлы»), начавшись летом 41-го, продолжилась осенью и возобновилась в мае 42-го года; о какой «внезапности» можно тут говорить?

Соответственно, первой и главной «линией обороны» в советской исторической мифологии стало «многократное численное превосходство противника, особенно в танках и авиации». Вот это звучит убедительно. Весомо. С детства обработанный советский человек сразу же представлял себе трех красноармейцев с «одной винтовкой на троих», на которых надвигаются пять немцев, укрытых под броней «Тигра».

А следом за ними — колонна автоматчиков, все как один на бронетранспортерах. Вот и повоюй тут!

Весь этот бред растаял, как туман на рассвете, при первых же признаках ликвидации идеологической цензуры. На сей момент танки, пушки, пулеметы и дивизии давно посчитаны и пересчитаны, результаты многократно перепроверены и опубликованы. Не знать реального соотношения сил сегодня может только тот, кто очень сильно зажмурился, да так и не открывал глаза последние 10–15 лет. Из множества достойных публикаций могу порекомендовать, например, обстоятельную статью М. Мельтюхова. [19] Самые любознательные могут обратиться непосредственно к первичным документам, благо в наше время с ними можно ознакомиться, даже не отходя от компьютера. [20]

От себя я хочу лишь напомнить о том, что 22 июня война не закончилась, а только началась. Соответственно, «мгновенная фотография» состава противоборствующих группировок по состоянию на первый день войны никоим образом не может считаться исчерпывающим ответом на вопрос о соотношении сил сторон. Ничуть не менее важным является (и теоретически, и практически) способность наращивать силы, восполнять потери личного состава и техники, формировать новые соединения. Вот об этом-то у нас принято традиционно забывать. И привычка такая возникла в советские времена совсем не случайно — «мгновенная фотография» серьезно искажает (в пользу Германии) реальную картину соотношения сил.

То, что командование вермахта собрало 22 июня 1941 г. у границ Советского Союза, представляло собой максимум достижимого для Германии, которая уже давно провела мобилизацию резервистов и теперь вела боевые действия на нескольких сухопутных фронтах, в небе над «рейхом» и на безбрежных просторах Атлантического океана. Всего до конца 1941 г. на Восточном фронте из резерва ГК в бой были введены 2 танковые, 1 моторизованная и 25 пехотных дивизий; очень скромно — как в абсолютных, так и в относительных числах (в составе трех Групп армий «Север», «Центр», «Юг» изначально было 119 дивизий, не считая т.н. «охранные»). В качестве маршевого пополнения соединения вермахта на Восточном фронте получили до конца 1941 г. менее 20% от своей первоначальной численности.

С другой стороны, те силы, которые Красная Армия развернула в западных округах к 22 июня, представляли собой

минимум, который 200-миллионный Советский Союз смог сосредоточить на Западе в условиях незавершенной скрытой мобилизации. 23 июня 1941 г. была начата открытая мобилизация, и уже к 1 июля в ряды Вооруженных сил было призвано 5,3 млн человек¹. Это означало увеличение общей численности Красной Армии в два раза и позволило формировать новые дивизии и бригады сотнями. 1 июля мобилизация, разумеется, не закончилась. Она еще только начиналась. Всего до конца года — по минимальным из имеющихся оценок — было мобилизовано 11,7 млн человек, добросовестные современные исследователи насчитали и все 14 млн. Разумеется, не все эти миллионы сразу же попали в действующую армию, но в целом общий «ресурс живой силы», предоставленный командованию Красной Армией в 1941 г., примерно втрое превысил соответствующий ресурс противника.

Уже к 10 июля, несмотря на тяжелейшие потери и окружения первых недель войны, в составе действующих фронтов Красной Армии числилось 202 (!) дивизии, в том числе 62 «свежих», не принимавших участия в июньских боях соединений Второго стратегического эшелона². [140] И упомянутые 62 дивизии — это только начало длинного перечня; уже к этой дате в составе резерва ГК, непосредственно за фронтом, находились 22 стрелковые, 6 танковых и 3 моторизованные дивизии. К 1 августа численность действующей армии возрастает до 263 дивизий. А маховик мобилизации все крутится и крутится, и на фронте появляются все новые и новые формирования...

Еще более красноречива динамика пополнения танковых войск. На восполнение потерь вермахта на Восточный фронт в течение второй половины 1941 г. поступило всего 513 танков и «штурмовых орудий», кроме того, в бой были введены две свежие танковые дивизии (2-я и 5-я), на вооружении которых числилось 380 танков. Итого — 893 танка, в том числе 631 средний. Красная Армия за тот же период получила от

¹ Вопреки усиленно распространяемому — и успешно внедренному в массовое сознание — заблуждению, в первой «волне мобилизации» были призваны не мальчишки-школьники, а прошедшие ранее воинскую службу резервисты, включая 505 тыс. офицеров запаса.

² Не учтены т.н. «дивизии народного ополчения» и отдельные полки; две кавдивизии или две бригады считаются за одну «расчетную дивизию»; пять воздушно-десантных корпусов учтены как две «расчетные дивизии».

промышленности 5600 танков, в том числе 2200 средних Т-34 и 1000 тяжелых КВ. И это — не считая танки, которые поступили в действующую армию в составе танковых частей и соединений, переброшенных на фронт из внутренних военных округов.

Отдадим должное советским пропагандистам — они понимали, что долго удерживать первую линию обороны (т.е. откровенно и нагло врать про «многократное численное превосходство вермахта») им не удастся, и поэтому заблаговременно начала готовиться вторая линия: «Да, вооружения было много, но все оно было безнадежно устаревшим, не идущим ни в какое сравнение с военной техникой противника». Замечательный пример — в упомянутой выше статье М. Мельтюхов сообщает, что на полях рукописи 4-го тома классической советской «Истории Второй мировой войны» было сделано следующее замечание: *«Показатели по Вооруженным силам СССР, особенно по танкам — 18 600, самолетам — 15 990, слишком велики (как сказано! — М.С.). Без качественной характеристики может сложиться у читателя ложное представление о силе сторон накануне войны. Известно, что в Советской Армии абсолютное большинство танков было устаревших систем...»*

Придумана эта уловка была много десятилетий назад, но особым успехом она пользуется как раз сегодня. Молодое поколение «новых россиян», уже привыкших к тому, что в магазине нельзя найти не то что радиоприемник отечественного производства, но и сделанные в России утюг, пылесос и чайник, без лишних сомнений готово поверить в то, что и Советский Союз был такой же отсталой деревней. *«В любом случае не требуется доказывать»* (выделено мной. — М.С.), *что советская промышленность была заведомо слабее германской как по технологическому оснащению, так и по уровню квалификации рабочей силы». Вот так, уверенно и твердо, пишет один весьма известный в узких «патриотических кругах» публицист, без тени смущения сообщая о себе: «Не окончил два института — Свердловский государственный медицинский и Уральский государственный педагогический. Активист движения клубов любителей фантастики».*

Еще один — но не простой «любитель», а писатель фантастики («А.А. Уланов, писатель-фантаст. Родился 22 января

1976 г. в Киеве. Пишет в жанрах боевой и юмористической фантастики, фэнтези и альтернативной истории») на пару с известным блогером Д. Шеиным написал целую книгу, в которой буквально «размазал по стенке» советскую оборонную промышленность предвоенной поры: «СССР не мог, никак не мог обеспечить линию производства бронебойных снарядов тремя (токарь, сварщик, штамповщик) специалистами высокой квалификации, как это сделали немцы — такие люди были в советской промышленности наперечет, их распределяли по заводам поштучно...» [21] Оцените гипнотизирующий речитатив: «не мог, никак не мог...»

Я готов безоговорочно поверить в то, что среди друзей и знакомых Уланова и Шеина даже «поштучно» нельзя найти ни одного, реально знакомого с заводским цехом. Некому объяснить молодым людям, что сочетание слов «штамповщик высокой квалификации» — это неудачная шутка. Высокая квалификация требуется от ученого, изучающего природу механической деформации металлов. Высокая квалификация потребовалась от большого коллектива инженеров, разработавших мощный гидравлический пресс. А вот от малограмотной колхозницы, которая к этому прессу будет в военное время приставлена, требуется умение выполнить три операции: вставить заготовку, нажать на кнопку, вынуть готовую деталь. Таких штамповщиков (и кандидатов в штамповщики) в Советском Союзе были десятки миллионов.

Токарь штамповщику не чета, но и токарная работа бывает разной. Самая простая из возможных: закрепить в шпинделе токарного станка небольшую круглую (осесимметричную) деталь и проточить на ней круговую канавку. С таким заданием справится учащийся ФЗУ на первом месяце обучения. Счет токарей подобной квалификации в СССР шел не на «штуки», а на миллионы (учебная мастерская с токарным станком была в каждой школе), а ничего большего не требовалось для установки на бронебойный снаряд штампованного колпачка (аэродинамического обтекателя); т.к. упомянут еще и сварщик, то можно предположить (чертеж Уланов с Шеиным не привели), что колпачок крепился сваркой, а не тугой посадкой, т.е. допуски на размеры установочной канавки были весьма широкими. Работа как раз для мальчишки-фэзэушника...

К счастью, за последние 10–20 лет были написаны и серьезные исследования истории создания, производства и боевого применения едва ли не всех образцов советской во-

енной техники. Прделана большая работа, изучены горы первичных документов, развеяны некоторые устоявшиеся мифы (вроде «летающего танка» Ил-2 и всесокрушающей «катюши», которую немцы якобы «даже не смогли скопировать»). В результате установлено: в целом вооружение Красной Армии находилось на уровне выше среднего, не уступая по своим тактико-техническим характеристикам — опять же, в целом и в основном — ни одной армии мира.

Активно работали в предвоенном СССР и над «чудесами техники» — не только на чертежах, но и в металле существовали гиросtabilизированные танковые прицелы, автоматы вывода самолета из пикирования, инфракрасные системы ночного видения, радиолокаторы, ракетные ускорители и пр. Да, многое (если не большинство) из вышеперечисленного было куплено или своровано на Западе, но нас в данном случае интересует не процесс, не способ, а результат.

Да, были проблемы с эргономикой военной техники, с ее конструктивной надежностью и удобством обслуживания — сказывался дефицит опытных инженерных кадров и суетливая поспешность в постановке техники на вооружение. Эти недоработки усложняли боевое применение и ремонт вооружения, но вовсе не делали то и другое невозможным. Эта истина была убедительно подтверждена на практике: финская армия в 1944 г. воевала (и как еще воевала!), используя трофейные советские самолеты, танки и артиллерийские тягачи, захваченные в 1940–1941-м годах.

И тем не менее, нельзя не признать, что *«в Советской Армии абсолютное большинство танков было устаревших систем»*. Это утверждение является абсолютно истинным, но с двумя важными уточнениями. Во-первых, если за точку отсчета брать советские Т-34 и КВ, то не большинство, а все до единого танки вермахта по состоянию на 22 июня 1941 г. были «устаревших систем». Во-вторых, новейшие системы всегда, в любой армии мира, находятся в меньшинстве, а к тому времени, когда они заменят своих предшественников и станут самыми массовыми, с неизбежностью перейдут в разряд «устаревших». Это и есть гонка вооружений. Летом 1941 г. бронированный монстр КВ производил ошеломляющее впечатление как на советских, так и на немецких танкистов; к весне 45-го, рядом с тяжелыми танками серии ИС и самоходкой ИСУ-152, тот же самый КВ смотрелся очень бледно...

Новая эпоха, эпоха безудержной свободы мысли и слова породила целый букет новых, порой весьма экстравагантных, версий объяснения причин военной катастрофы 41-го года. Порог входа в дискуссию радикально снизился; это раньше для того, чтобы опубликовать статью в газете, надо было обивать пороги редакций, предъявить ордена, звания, ученую степень... Теперь все просто, и всякий, кого осенила «идея», может через всемирную Сеть ознакомить с ней всю планету.

Многие этим активно пользуются. Мне приходилось читать (и не единожды!) про то, что в штабах вермахта, оказывается, существовало страшное секретное правило, в соответствии с которым в донесениях о потерях использовался тайный «понижающий коэффициент». Одни товарищи считают, что в немецких донесениях цифры потерь занижены ровно в два раза, другие без тени смущения говорят про десятикратное («так им было считать удобнее») занижение потерь. И еще в вермахте, оказывается, безвозвратно потерянными танком считался только тот, кто уже ушел на переплавку, а все остальные, застывшие обугленными коробками на полях, в перечень потерь не включались... При всей своей фарсовости даже эти «версии» заслуживают упоминания — они еще раз подтверждают, что невероятный разгром Красной Армии, произошедший летом 1941 года, не укладывается ни в какие рамки формальной логики и настоятельно требует какого-то объяснения.

Несколько таких «объяснений» предложил молодой к.и.н. А.В. Исаев. Если мне не изменяет память, первым по счету был «догмат о плотностях». Есть в теории военного дела такие понятия: «плотность боевых порядков», «тактическая плотность». Рассчитывается этот параметр делением чего-то на геометрические размеры участка фронта, например: 15 танков на км фронта, 130 оружейных стволов на км, 250 снарядов на гектар и т.д. Иногда используется обратная дробь: 20 км на дивизию, 800 метров на батальон... В боевых уставах указаны и вполне конкретные требования к плотности построения боевых порядков — как при наступлении, так и в обороне.

Так вот г-н Исаев посчитал расстояние от Балтики до Черного моря (причем посчитал правильно, с учетом причудливо петляющей линии границы), разделил километры на количество дивизий в Первом стратегическом эшелоне Красной Армии и пришел к неоспоримому выводу: сдержать наступление вермахта не было никакой возможности! На одну

дивизию приходится гораздо больше километров фронта обороны, чем установлено боевым уставом. Поражение было неизбежным!

Публику этот печальный вывод чрезвычайно обрадовал («наконец-то! все так просто, и понятно, и по науке!»), а меня несказанно огорчил. Неужели сейчас в школе уже совсем ничему не учат? Если A больше B , то и частное от деления A на C всегда будет больше частного от деления B на C . При любом, заметьте, C . Количество советских и немецких дивизий можно поделить на ширину фронта, глубину озера Байкал, длину хвоста лошади Жукова — в любом случае, при любых ухищрениях, показатель для Красной Армии получится БОЛЬШЕ! И если 150 советских дивизий было недостаточно для обороны, то как же 120 немецких дивизий смогли на таком бескрайней фронте наступать? Да еще как наступать!

Вторая идея Исаева («меч-кладенец и золотое сечение») просто ошеломляет своей... хм, красотой. «Золотое сечение» — это организационная структура немецкой танковой дивизии («*Немцы пришли к своему «золотому сечению» организации танковых войск: на 2–3 батальона танков в танковой дивизии вермахта было 4 (или 5, если считать с мотоциклетным) батальона мотопехоты... Именно такая организация танковых войск позволила немцам дойти до стен Москвы, Ленинграда и Киева*»). Сформированная в соответствии с такими пропорциями дивизия — это и есть, по г-ну Исаеву, всесокрушающий «меч-кладенец». А что же в Красной Армии? «*Если называть вещи своими именами, то эффективная организационная структура типа «танковая дивизия» у советской стороны отсутствовала. Наличие организационных структур с названием «танковая дивизия» не должно вводить в заблуждение — решать задачи самостоятельного танкового соединения они были неспособны... Дивизии эти были **перегружены танками** (выделено мной. — М.С.) и недогружены мотопехотой и артиллерией*». [22]

Феерическая фраза про «перегруженность танковых дивизий танками» настойчиво повторяется на десятках страниц. Советские танковые войска, мощнейшие в мире, объявляются несуществующими только на том основании, что структура танковой дивизии Красной Армии отличалась от соответствующей немецкой структуры обр. 1941 г., причем последняя объявляется непревзойденным идеалом совершенства, позволяющим творить чудеса.

Вся эта «теория» отправляется в утиль простым напоминанием о том, что и в Красной Армии были дивизии самого, что ни на есть, «золотого сечения». Разумеется, речь идет о моторизованной дивизии штата июля 1940 г. Все в ней структурно точно так, как в танковой дивизии вермахта: один танковый, два мотострелковых и артиллерийский полк. И соотношение числа танков и людей, и состав вооружения артиллерийского полка вполне сопоставимые. Вот только «чудо» если и произошло, то совсем в другую сторону...

Что же касается «перегруженности» советских танковых дивизий танками, то «перегруженность» эта, увы, существовала лишь в теории. Практически же, к началу войны среднее количество танков в дивизии было равно 208 единицам (у немцев в среднем по 200 танков в дивизиях Восточного фронта). Дальше — хуже; уже через несколько дней (в лучшем случае — через пару недель) даже в немногих изначально «перегруженных» танками дивизиях осталось по дюжине танков, вот только воевать лучше они от этого не стали. Немцы же с первых дней и часов войны решительно ломали организационные структуры мирного времени — в танковых дивизиях формировались «боевые группы» самого разнообразного количества и состава, которые и вели наступление, нисколько не заморачиваясь золотистостью своего «сечения»...

Военная неудача, тем более — быстрый и сокрушительный разгром, неизбежно влечет за собой поиски шпионов и подозрения в измене. В принципе, эта версия не столь безумна, как может показаться на первый взгляд — если доподлинно известно, что десятки генералов Красной Армии, оказавшись в плену, активно сотрудничали с противником, то нет ничего невероятного в предположении о том, что некоторые могли начать работу на врага еще до попадания в плен¹. Более того, при всей моей нелюбви к «теории заговора» и прочим конспирологическим схемам, я не могу не признать, что вер-

¹ 19 августа 1941 г. начальник Генерального штаба РККА, генерал армии Г.К. Жуков направил Сталину такой доклад: «Я считаю, что противник очень хорошо знает всю систему нашей обороны, всю оперативно-стратегическую группировку наших сил и знает ближайшие наши возможности. Видимо, у нас среди очень крупных работников, близко соприкасающихся с общей обстановкой, противник имеет своих людей...» (Русский Архив, т.16, Великая Отечественная, Ставка ВГК. Документы и материалы, 1941 год — М.: ТЕРРА, 1995. С. 361).

сия «заговора генералов» является первой (из перечисленных в данном обзоре), которая хотя бы теоретически может быть адекватна произошедшему событию.

Плохая конструкция узла смазки верхнего левого подерживающего катка гусеницы танка или недостаточно «золотая» организационная структура дивизии — это частности, которые изначально непригодны для объяснения катастрофы такого масштаба, которая произошла летом 41-го года с Красной Армией. А вот предательство генералов — дело серьезное, могущее иметь самые сокрушительные последствия. Наконец, некоторые реальные факты действий (а в еще большей степени — бездействия) высшего командования накануне войны не укладываются даже в самые широкие рамки безграничного российского разгильдяйства.

Дело за малым — осталось найти заговорщиков, выявить их умысел, план, контакты с врагом. Ничего подобного по сей день никем не сделано. То, о чем пишут наши знатные конспирологи (Козинкин, Мартиросян, Мухин), настолько нелепо, что принять это всерьез может только тот, кто и без лишних аргументов верит «и в сон, и в чох, и в птичий грой». Пресловутые «генералы-заговорщики» ведут себя как-то очень нелогично: они не пытаются объединить и скоординировать свои усилия, но «изменяют поочередно», друг за другом, из месяца в месяц: от окружения и гибели Западного фронта в июне 41-го через еще большую по размаху и последствиям катастрофу под Киевом (сентябрь 1941 г.) и Вязьмой (октябрь 1941 г.) до сокрушительного и позорного разгрома в Крыму и под Харьковом в мае 1942 г.

На свою беду, сочинители «теории заговора» дружно набросились на генерала армии Д.Г. Павлова, командующего Западным фронтом; «беда» же их в том, что история эта (в отличие от многих подобных) хорошо известна — протоколы допроса и суда над Павловым опубликованы еще в 1992 г. Из документов следует, что даже проведенное известными методами «следствие» не смогло найти никаких следов связи Павлова с немцами. Стоит также отметить, что «изменник» Павлов в ночь на 22 июня, не имея на то разрешения из Москвы (!), отдал приказ о боевой тревоге со вскрытием «красных пакетов». В дальнейшем он не предпринял и малейших попыток перейти к противнику (что в обстановке полного развала фронта было совсем не сложно), более того, послушно «понес повинную голову» в Москву, куда был вызван «на

ковер» в первых числах июля; получив новое назначение (заместитель командующего Западным фронтом), немедленно выехал из Москвы на фронт.

Наконец, крайнее изумление вызывает отсутствие со стороны мифических «заговорщиков» малейшей попытки сделать то единственное, что только и могло привести «заговор» к успеху: арестовать (или убить) Сталина. Обратиться к народу, армии, красноармейцам в немецком плену с призывом к антисталинскому восстанию «заговорщики» также забыли. Воля ваша, но так заговоры не устраивают...

Естественным завершением, кульминационной точкой строительства «теории заговора» стала идея о том, что заговорщик был один, и пробрался он на самую вершину государственной власти, а звали его — Сталин. У этой версии есть несколько вариантов.

Непревзойденный рекорд абсурда установил некий г-н Осокин. [23] Его сенсационное «открытие» заключается в том, что Сталин якобы заключил с Гитлером наисекретнейшую договоренность, в соответствии с которой Красная Армия концентрировалась у западных границ СССР для того, чтобы сесть в вагоны и отправиться... к берегам Ла-Манша, завоевывать Англию! В качестве ответной любезности Сталин якобы разрешил немецким войскам проехать через территорию Советского Союза в Иран. Однако Гитлер подло обманул Сталина: немцы повыскакивали из вагонов с автоматами и «засученными рукавами» (последнее обстоятельство г-н Осокин особо отмечает) и разгромили Красную Армию, которая — опять же, по условиям тайного соглашения Сталина с Гитлером — ехала к Ла-Маншу налегке, без снарядов и патронов. В качестве одного из косвенных подтверждений своей гипотезы г-н Осокин приводит факт выдачи личному составу некоторых частей Красной Армии трусов вместо кальсон — в трусах, по его мнению, удобнее форсировать Ла-Манш.

Казалось бы, сей феерический бред не заслуживает даже малейшего упоминания — однако обнаружили и другие мнения. Книга Осокина была издана в прекрасном полиграфическом исполнении, затем на бюджетные деньги был снят «документальный» (как это?) фильм, с большой помпой презентованный в Москве; талантливый «первооткрыватель» раздал множество интервью для центральных российских СМИ. Вот эти чудеса объяснить, не прибегая к конспирологическим версиям, действительно трудно.